ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 9 | 2025. Volume 18. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Тема христианского смирения в прозе Бориса Зайцева (на примере рассказов «Земная печаль» и «Студент Бенедиктов»)

Атаманова О. В.

Аннотация. В статье представлен анализ двух рассказов Б. К. Зайцева – «Земная печаль» и «Студент Бенедиктов», – написанных в России в 1910-е годы. Основная тема произведений – ценность человеческой жизни, память о ней в грядущих поколениях. Цель исследования – выявление христианских мотивов в творчестве Б. К. Зайцева, скрытых или явных, на примере этих двух произведений. Научная новизна состоит в том, что, несмотря на интерес к Зайцеву как одной из ключевых фигур в литературе русского зарубежья первой половины XX века и множество исследований его творчества, в частности с точки зрения христианской философии, рассказы «Земная печаль» и «Студент Бенедиктов» впервые анализируются с позиций христианства, это позволило обнаружить идеи, относящиеся к христианской религиозной концепции, по большей части представленные писателем неявно. Полученные результаты указывают на выявленные случаи интертекстуальности в произведениях Б. К. Зайцева, аллюзии на его повесть «Преподобный Сергий Радонежский», иные известные произведения литературы, в частности «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, стихотворение «Курган» А. К. Толстого, а также тексты Библии, биографию св. Франциска Ассизского. К стихотворению А. С. Пушкина «…Жил на свете рыцарь бедный», его поэме «Евгений Онегин» есть прямые и неявные отсылки.

EN

The leitmotif of Christian self-effacement in Boris Zaitsev's prose (short stories "Earthly Sorrow" and "Student Benedictov" used as the example)

O. V. Atamanova

Abstract. The analysis of two short stories by B. K. Zaitsev, "Earthly Sorrow" and "Student Benedict", written in Russia in the 1910s are presented hereafter. Their main leitmotif is the value of human life, and the memory of it in future generations. The purpose of the study is to identify Christian motifs in the work of B. K. Zaitsev, hidden or explicit, with these two works used as the example. The scientific novelty lies in the fact that, despite the interest in Zaitsev as one of the key figures in the literature of the Russian diaspora in the first half of the 20th century and many studies of Zaitsev's work, in particular, within the framework of Christian philosophy, these two short stories are considered in this aspect for the first time. This analysis has revealed ideas related to the Christian religious concept, largely presented implicitly by the writer. The results obtained indicate the identified cases of intertextuality in the works of B. K. Zaitsev, allusions to his novella "St. Sergius of Radonezh", other famous works of literature, in particular, Seneca's "Moral Letters to Lucilius", the poem "Kurgan" by A. K. Tolstoy, as well as the texts of the Bible, the biography of St. Francis of Assisi. There are direct and implicit references to A. S. Pushkin's poem "…A poor knight lived in the world" and his verse novel "Eugene Onegin".

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, исключительной важностью как можно более полного и всестороннего изучения литературы русской эмиграции первой волны, при том, что Б. К. Зайцев является одним из самых ярких ее представителей, и, во-вторых, растущей необходимостью подробного и внимательного знакомства с христианскими ценностями, прежде всего, с точки зрения культурного наследия.

С творчеством Б. К. Зайцева российский читатель имел возможность познакомиться лишь с конца 1980-х годов. Вероятно, причина в том, что христианские ценности, близкие Зайцеву как писателю и человеку, долгое время не были актуальны в нашей стране. Однако интерес к христианской литературе постоянно растет,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250536

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

меняется ее роль в жизни общества. И в этом историческом контексте творчество Б. К. Зайцева, его изысканная, утонченная проза находят благодарных читателей. Мы также попытаемся ответить на вопрос, чем обозначенная тема христианского смирения может быть интересна для человека светского. Среди исследований последних лет, посвященных творчеству Зайцева, отметим работы Е. Ф. Дудиной (2020a; 2020b), Н. П. Бабенко (2012), А. А. Лазарева (2020), Л. А. Мальцева и Е. Е. Рябчиковой (2022), Н. В. Михаленко (2019), Ю. Н. Серго (2020), Ю. Чжан и М. В. Михайловой (2021).

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

1) обозначить основные черты образа христианского святого, представленные в повести Б. К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский», а также в жизнеописании св. Франциска Ассизского (в статье о нем А. А. Аннина);

2) соотнести образ главного героя рассказа «Студент Бенедиктов» с образом св. Франциска, а также с образом «рыцаря бедного», выявить основные мотивы его поведения в этом аспекте;

3) определить значение основных образов рассказа «Земная печаль» с точки зрения христианской философии; выявить существующие интертекстуальные связи с другими известными произведениями;

4) сформулировать концепцию христианского смирения в произведениях Б. К. Зайцева с точки зрения общечеловеческих ценностей – ценности жизни человека и памяти о нем.

Методы исследования: метод целостного анализа, позволяющий увидеть особенности представления образов, определить аллюзии, скрытые и явные, а также культурно-исторический метод, с помощью которого произведение рассматривается в контексте истории и культуры.

Материал исследования – рассказы Бориса Зайцева (1990; 2020) «Земная печаль» и «Студент Бенедиктов», его повесть о преп. Сергии Радонежском, материалы православного портала «Азбука веры» (2005), Большого энциклопедического словаря (1993), тексты Ветхого и Нового Завета Библии (1990). К исследованию привлекались тексты «Божественной комедии Д. Алигьери (1994), «Нравственных писем к Луцилию» Л. А. Сенеки (2017), поэмы А. С. Пушкина (2008) «Евгений Онегин» и его стихотворения «***Жил на свете рыцарь бедный», стихотворение А. К. Толстого (1963) «Курган».

Теоретической базой исследования являются труды М. М. Дунаева (2004) о русской литературе с позиций православия, О. Н. Михайлова (2001), А. М. Любомудрова (2005) А. М. Любомудрова и А. К. Клементьева (2008), посвященные жизни и творчеству Б. К. Зайцева, «История русской литературы» (1983); научные труды, относящиеся к проблеме интертекстуальности: М. М. Бахтин (1979), Ю. Кристева (2000), Ю. М. Лотман (1981), Ю. С. Степанов (2001), Н. А. Фатеев (2000), А. В. Бондарко (2006), И. В. Арнольд (2014).

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть применены в практике преподавания литературы, истории религии, культурологии.

Обсуждение и результаты

Тема христианского смирения в рассказе «Студент Бенедиктов»

Рассказ «Студент Бенедиктов» был опубликован в Москве в 1913 году в сборнике «Слово». По мнению критиков, этот один из лучших рассказов Зайцева (История русской литературы, 1983, с. 628).

Эпиграфом к произведению является цитата из стихотворения А. С. Пушкина: «Жил на свете рыцарь бедный». Можно сразу предположить, что тема рыцарства и честной бедности будет каким-то образом показана. Далее мы знакомимся с героем по фамилии Бенедиктов (имя его так и не называется), который изучает жизнь святого Франциска Ассизского и пишет его биографию. Бенедиктов занимается этим в свободное время, основная его работа – преподавание музыки, он живет в барском доме и учит игре на пианино мальчика.

Однако основная мысль, занимающая Бенедиктова в последнее время, с точки зрения христианства совершенно «неправильная»: Бенедиктов хочет свести счеты с жизнью. Ему кажется, что в его судьбе неудачника вряд ли может что-то измениться. Он некрасив и ненавидит себя за это. Девушка Зина, в которую влюблен Бенедиктов, равнодушна к нему. Итак, он беден, безответно влюблен, работает гувернером – это все, на что, как ему кажется, он может рассчитывать. Герой считает себя ошибкой природы, которую необходимо исправить (Зайцев, 1990b, с. 360).

О том, что самоубийство является грехом по христианским меркам, можно узнать из самых различных источников. Приведем в качестве одного из ярчайших примеров «Божественную комедию» Данте Алигьери, ее первую часть – «Ад». Грешники, самовольно покинувшие земную юдоль, теряют даже подобие человеческого облика, в отличие от других, это не тени, а деревья, злобные гарпии грызут их листву:

Пойдем и мы за нашими телами,
Но их мы не наденем в Судный день
Не наше то, что сбросили мы сами (Алигьери, 1994, с. 63).

Итак, мы видим противоречие в фигуре Бенедиктова. С одной стороны – интерес к жизни святого и, по-видимому, желание ему подражать, с другой – отсутствие благодарности Высшей силе и стечению обстоятельств за то хорошее, что дает жизнь.

В связи с этим попытаемся ответить на вопрос: что могло привлекать Бенедиктова в образе итальянского подвижника, католика из далекого XIII века? Обратимся к самой личности Франциска в соответствии с его

жизнеописанием. Сын богатых родителей, в самом начале жизни юноша ведет себя как типичный представитель «золотой молодежи», является лидером среди товарищей опять же в силу благополучного «семейного бэкграунда». Но потом все меняется, начинается война, Франциск участвует в ней, но не слишком удачно: после ранения он негоден к дальнейшей службе, возвращается домой, что считается позором в те времена. И вот тогда, до какой-то степени понимая, что чувствуют больные проказой – «прокаженные», отвергнутые обществом, – Франциск помогает им. Так начинается его Служение. Однако действует он не совсем и не всегда по-христиански: крадет деньги отца, желая помочь бедным, что естественно приводит к конфликтам и судебным тяжбам. То есть здесь мы можем видеть случай «нетолерантности». Добрый и веселый человек, как его представляет хроника, человек, готовый выкупить ягненка – этого ягненка собираются зарезать и съесть, – вызволить зайчонка из капкана и даже пожалеть дождевого червя, убрать его с дороги дабы не задавить, однако, нетерпим к собственному отцу, взгляды которого идут вразрез с его идеями (Аннин, 2011). Обо всем этом в рассказе не говорится. По-видимому, автор предлагает читателю самому провести аналогии. И теперь мы вплотную подошли к вопросу об интертекстуальности. Под интертекстуальностью здесь и далее будем понимать связи между текстами и возможность различным образом ссылаться друг на друга (Кристева, 2000, с. 434, 446, 456). На примере истории св. Франциска можно увидеть межтекстовые связи, выраженные явно.

Обратимся теперь к неявным отсылкам, оставленным «за кадром». Для сравнения вспомним другое произведение Б. К. Зайцева (2020) – повесть о преп. Сергии Радонежском. Из него мы можем узнать, что молодой Варфоломей, тот самый, кому со временем предстоит стать преп. св. Сергием, понимая, в чем его предназначение, все же не действует в отношении родных столь радикально, как в истории Франциска. Это человек, выросший в северных краях, что отразилось на его характере – неторопливом, рассудительном (Мальцев, Рябчикова, 2022, с. 202). Он помогает братьям, ухаживает за стареющими родителями, постепенно переходя в монашество. Сам автор высказывает мнение о такой линии поведения – последовательной в достижении цели, но при этом мирной, человечной, избегающей крайних мер, как наиболее правильной. Соответственно, конфликтность с его точки зрения – неверный путь, даже если конфликтующая сторона готова найти для этого причины (Зайцев, 2020, с. 25, 27-28, 39, 44).

Теперь проведем аналогии. Нам кажется, что Бенедиктов выбрал примером для подражания св. Франциска как человека, готового в одночасье отрешиться от мира, «сжечь за собой мосты», по той причине, что вначале и сам готов действовать подобным образом, радикально, последовательно, целенаправленно, то есть покончить с жизнью. И лишь потом путь смирения и принятия станет его выбором.

Но пока, чтобы застрелиться, нужен пистолет, а у Бенедиктова его нет. Оружие можно попросить у соседа, бравого корнета Гавронского, но тогда придется взаимодействовать с людьми, объяснять им свое намерение (и, возможно, Бенедиктова начнут отговаривать, а ему это ни к чему, он уже все решил) или придумывать предлог.

Предлог находить не придется, обстоятельства складываются как нельзя лучше. Петр Гавронский рассказывает Бенедиктову свою историю любви: Вера, любимая женщина, замужем за важным человеком, но готова бежать вместе с Гавронским, и все это должно произойти ближайшей ночью. Бенедиктов соглашается помочь товарищу в его авантюрном предприятии, для этого потребуется оружие. «Вот, все само и устраивается. Не надо даже предлога искать» (Зайцев, 1990b, с. 356).

Побег удается. Конечно, не обходится без переживаний. Гавронский беспокоится, выйдет ли Вера к нему навстречу, готов «пустить себе пулю в лоб» (Зайцев, 1990b, с. 356), если этого не случится. Бенедиктов уверен, что Вера выйдет, почему – он сам не знает, он эту Веру никогда не видел. Думает герой и о том, что такая история с ним, Бенедиктовым, вряд ли могла бы произойти. Девушка Зина, в которую он влюблен, не только не обращает на него внимания, более того, Бенедиктов, как ему кажется, ей «физически почти противен» (Зайцев, 1990b, с. 356). Что касается Веры и Гавронского: «Он ее бросит через полгода или через месяц, но сейчас она выйдет» (Зайцев, 1990b, с. 357), – так считает Бенедиктов. Возможно, Вера не думает, что всякое может случиться и что ей делать, где жить и на какие средства, когда закончится счастливая любовная история. Она счастлива «здесь и сейчас». Такой посыл – жить сегодня, когда никто не знает, что случится завтра, – присутствует и в других произведениях Зайцева, в частности в рассказе «Земная печаль», о котором будет сказано чуть ниже. Однако Бенедиктов не может рассчитывать даже на такое призрачное счастье, может лишь наблюдать со стороны. Вероятно, он готов простить себя за содеянное, то есть за соучастие в похищении, действие преступное, противозаконное и вовсе не свойственное кроткому и скромному учителю музыки. Оправданием служит высокая и важная цель, от которой Бенедиктов не намерен отступать.

Пока Гавронский пускается во всю мочь, боясь погони, сам правит лошадьми, не снижает скорость даже на самых опасных участках дороги (понятно, почему – жизнь поставлена на карту!), Бенедиктов предается философским размышлениям: «Я увожу какую-то Веру для какого-то Гавронского, сижу ночью на козлах, и мы скачем в темноте, в неизвестном мне месте» (Зайцев, 1990b, с. 358). Думает ли он, что совершает доброе дело? Сложный вопрос. Поступок Веры опрометчив, безрассуден, с его точки зрения, но, как это ни странно, у них с Бенедиктовым много общего. Романтика, рыцарство – любимые темы Бенедиктова, пока судьба не столкнет его с жесткой, суровой правдой. Эта правда передается устами случайного человека, бедного старика, стерегущего плоты у переправы, мимо которого студент Бенедиктов хочет пройти как можно быстрее, не отвлекаясь на разговоры.

Однако старик-сторож, заметив незнакомца, интересуется, почему тот «шляется» в поздний час, подозревает его в намерении своровать «зипуны», называет «шалым» (Зайцев, 1990b, с. 362). Это взгляд человека простого, даже не умеющего читать, как мы узнаем чуть позже. Бенедиктов, естественно, отвечает, что никакого дурного намерения у него нет и в принципе он далек от этого, его сейчас занимает совсем другое. Со стариком

он сначала разговаривает свысока, раздраженно, полагая, что обычному сторожу его, Бенедиктова, не понять – ни его «смертной» тоски, ни желания добровольно уйти. Однако старик относится к нему с сочувствием: «Куда ж ты теперь пойдешь? Ночь, темень, а ты, ровно зверь, выходишь шляться» (Зайцев, 1990b, с. 362).

Такие слова и сочувственный тон, такое сравнение удивительны для Бенедиктова, «в душе его вспыхнуло огромное, всепожирающее пламя жалости к самому себе» (Зайцев, 1990b, с. 362). Действительно, поступок, достойный мужчины, «рыцаря», – это одно (выбор пистолета как средства суицида – отдельная история, можно было, к примеру, обойтись веревкой, это намного проще, тогда и к Гавронскому не надо заходить, но со стороны это выглядело бы не так привлекательно, совсем не «по-рыцарски», а в глазах Зины, даже равнодушной к нему, Бенедиктову, вероятно, хочется остаться героем. И здесь мы видим аллюзию на пушкинский эпиграф). Сравнение с диким зверем, «шалым», чуть ли не с вором – совсем другое. Это просто взгляд со стороны, никакой предвзятости, человек видит его в первый раз. «Душу чью загубил или обворовал кого, деньги растратил?», – это вопрос старика о причинах возможного самоубийства Бенедиктова. Бенедиктов с удивлением отвечает «нет» (Зайцев, 1990b, с. 362).

Но, странное дело, насчет смертной тоски старику кое-что понятно и знакомо. Совсем недавно он потерял единственного сына – его Ваню приговорили к повешению за убийство в драке «земского» во время ссоры. И сама ссора случилась по ничтожному поводу – на дороге «друг дружке не свернули» (Зайцев, 1990b, с. 363). И не было цели убивать, просто молодой человек был физически силен, силы не рассчитал. Вот такая простая история, жили старик, старуха и их замечательный сын. И вдруг случилось то, что случилось, нелепо, неожиданно, а вскоре и старуха померла.

Бенедиктов поражен услышанным, к тому же, по просьбе старика, он читает вслух предсмертное письмо Вани, в котором простым и немудреным языком говорится о «смертной тоске», о том, как тошно думать о смерти молодому человеку, полному сил. Бенедиктов смущен. Он спешно уходит, «поцеловав худую руку старика» (Зайцев, 1990b, с. 364).

Герой старается отделаться от мысли про этого случайного встречного: «Меня перебил, расстроил старик, нелепый разговор. Все очень просто» (Зайцев, 1990b, с. 364). Но на самом деле все не просто, мысли героя спутаны. Он, как это ни удивительно, совершенно свободен и не приговорен, ему не нужно думать о смерти. Но все-таки он думает. Зачем ему это?

«“Мы все одно. Я и старик; и сын, и все гибнущие – мы одно. Мы встречаемся и обнимаем друг друга в одном объятии. Это объятие – смерть. Так будет. Да исполнится воля пославшего”.

“Как пославшего? Разве мы посланы затем?”» (Зайцев, 1990b, с. 364).

А вот это уже интересный вопрос. Пожалуй, здесь и есть «точка невозврата», после которой Бенедиктов окончательно откажется от своего намерения проститься с жизнью: «Говорила ли его молодость, неясный и могучий зов его существа, хотевшего жить и быть счастливым? <…> и та тоска, что терзала его брата Ивана или его самого в облике этого Ивана, подступила к горлу ледяной волной» (Зайцев, 1990b, с. 364).

Итак, мысли спутаны, огромное желание жить возникает помимо его воли. Он стреляет в себя, но промахивается. Возможно, подсознательно он хотел именно промахнуться. И он хочет жить, хочет быть счастливым, несмотря на все невзгоды и даже на безразличие любимой девушки. Бенедиктов возвращается к себе, к своим книгам. И самая главная из них, конечно же, книга о св. Франциске.

По мнению некоторых литературоведов, кажущаяся бессмысленность существования, то, что сейчас называется экзистенциальным кризисом, подталкивала героя к самоубийству, тогда как несчастная любовь и непривлекательная внешность служили лишь поводом (Чжан, Михайлова, 2021, с. 126). Нам тем не менее кажется, что правильно было бы рассматривать все факторы в совокупности.

Принятие мира таким, каков он есть, и собственной участи, понимание, что повлиять на жизнь, на чувства, на поступки других людей, возможно лишь до некоторой степени, то есть до того обстоятельства, что человек не всесилен – это и есть смирение, принятие своей слабости перед силой Бога (Михаленко, 2019, с. 282): «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (От Матфея святое благовествование, 1990, с. 307).

Быть верным себе, не бояться трудностей, не впадать в уныние и радоваться жизни, пока для этого есть возможность и повод, например, простое пение птиц и яркий солнечный рассвет – вот то, что нужнее всего человеку, по мысли автора.

Тема христианского смирения в рассказе «Земная печаль»

Обратимся теперь к другому рассказу, опубликованному в 1915 году, небольшому по объему, который тем не менее содержит целых пять историй, относящихся к разным эпохам. Эпиграф к нему – строки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Господний раб и Бригадир / Под камнем сим вкушает мир» (Пушкин, 2008, с. 729). Как мы помним, предыдущая строка звучала так: «Смиренный грешник Дмитрий Ларин» (Пушкин, 2008, с. 729). То есть, о смирении идет речь с самого начала, но напрямую эта мысль не выражена.

Человек хочет, чтобы его помнили после смерти. Но какая это память, какие формы она принимает подчас!

Имя героя первой из историй, вероятно, славного скифского воителя, нам не известно, оно затерялось в веках, однако небольшой курган, насыпанный в его честь, все еще заметен: «Отсюда видны горизонты всех сторон света, и вольно гуляют здесь ветры севера, юга, востока и запада» (Зайцев, 1990a, с. 433). Широкие горизонты открывались когда-то перед этим человеком, и похоронили его с почестями. Но теперь курган невысок, и на его склонах растет рожь. Вспоминается в связи с этим другое произведение на эту тему – стихотворение

А. К. Толстого «Курган». Приведем отрывок из этого стихотворения – как нам кажется оно во многом созвучно обсуждаемому нами рассказу. Здесь также речь идет о богатыре, что прославился своими подвигами. По завершении земного пути жрецы устроили роскошную тризну в его честь, с богатыми жертвоприношениями, с торжественными речами:

О, витязь! Делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сравнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим! (Толстой, 1963, с. 222).

Но потом, с течением веков, деяния витязя забылись. Остался лишь одинокий курган, который все «еще не сравнялся с землею» (Толстой, 1963, с. 223). О богатыре уже никто не помнит, и, конечно, никто не скорбит о его кончине: «…слезы прольют разве тучи, / Над степью плывя в небесах…» (Толстой, 1963, с. 224). У этого стихотворения грустный финал. У Зайцева «земная печаль» светла, рассказ полон философского смысла: каждый год наступает весна, и рожь колосится, и жизнь продолжается.

Кстати, истории с захоронениями в курганах относятся к языческим временам, в них не идет речь о христианах. Но вот – вторая история. Неподалеку от кургана – овражек, по дну протекает ручей ключевой воды. Ранее здесь находился скит, непроходимый лес отделял его от мира, но теперь от скита ничего не осталось, «вероятно, лишь ручей все тот же» (Зайцев, 1990а, с. 434). И здесь возникает вопрос – почему именно на ручей автор обращает внимание. Мы видим неявную отсылку к упомянутой выше повести о преп. Сергии Радонежском, в которой содержится история о христианском чуде – возрождении святого источника силой молитвы (Зайцев, 2020, с. 44) – и, соответственно, идею о смертности человека и ценности всего, что добыто с Божьей помощью. В общем случае скит – это уединенный монастырь, иногда старообрядческий (Азбука веры, 2005; Большой энциклопедический словарь, 1993, с. 1219). Что потом стало с этим скитом – трудно сказать. Возможно, его уничтожили, разорили, к старообрядцам, как известно, отношение было сложное. Неизвестно, остались ли в живых обитатели скита после того, как он исчез. Теперь о событиях прошлого не напоминает ничто, здесь только растет густой лес, где много грибов и орехов – за ними и ходит детвора. И опять та же тема – жизнь продолжается, какие бы драматические события ни остались в прошлом, какими бы сложными вопросами ни мучился человек.

Теперь обратимся к другим историям. О помещиках, родовитых, но обедневших, автор повествует иногда с сочувствием, иногда с легкой иронией. Жил, к примеру, один веселый человек, любил вино и охоту. «Раз, сильно выпив, надел парадную форму гродненского гусара, оседлал коня, и неизвестно зачем в полной амуниции въехал в свой пруд – довольно глубокий» (Зайцев, 1990а, с. 434). Вот такая история – целая жизнь, рассказанная в нескольких словах. Было это самоубийство или просто слишком много алкоголя сыграло роковую роль – теперь никто уже не скажет.

Мы узнаем и о господине Метаксе, проигравшем в карты большой каменный дом соседу. Сосед прислал каменщиков, чтобы дом разобрали и увезли, теперь лишь остатки фундамента напоминают о нем. Это метафоричное сравнение. Метакс постепенно проживал состояние, пока не дошел до крайней бедности. Предавался всем грехам, в частности читал запрещенную литературу, за что ему запретили выезжать из поместья. «Предание не упоминает, как умер этот человек, не делавший на своем веку ни доброго, ни злого. Был ли он одинок в смертный час или умирал на руках какой-нибудь стареющей Аксюши – мы не знаем, как неизвестно и то, для чего он тянул канитель своей жизни и почему вместе с гродненским другом не заехал однажды в пруд» (Зайцев, 1990а, с. 435). Может, это как раз «русская *хандра*» или «английский *сплин*» (Пушкин, 2008, с. 711) (курсив автора – *О. А.*), и многим помещикам казалась скучной деревенская жизнь.

И здесь возникает еще один интересный вопрос – о «канители» жизни и о том, стоит ли ее «тянуть». На протяжении веков человек задавался таким вопросом время от времени. Так, например, римский философ Луций Анней Сенека (2017), по мировоззрению близкий к христианам, но формально к ним не принадлежавший, полагал, что не стоит. У Данте Алигьери другой ответ на вопрос, о чем упоминалось выше. В нашем случае, как видим, помещик Метакс действовал вопреки общепринятым нормам, «предавался грехам», все же, это не принесло ему счастья. Однако ему не хватило духу и покончить с «канителью» жизни. В этом смысле отсылка к рассказу «Студент Бенедиктов», безусловно, есть. Отметим и другое обстоятельство – даже если чья-то жизнь со стороны кажется убогой, бестолковой, жалкой, сам человек может думать о ней иначе. Эта концепция «маленькой жизни» скромного человека, который по мере сил пытается изменить реальность к лучшему, обозначена и в других произведениях Зайцева (2020, с. 102-103). Вместе с тем, если речь о помещиках – привилегированном сословии, – казалось бы, разговор о жизни убогой в принципе не уместен. В любом случае это изначально неплохие возможности, каждый распорядился ими как мог.

«Время героических помещиков прошло», – иронически отмечает автор (Зайцев, 1990а, с. 435), и далее мы можем ожидать историй более прозаичных, приземленных. Однако это не совсем так: мы узнаем о разночинцах, точнее, об одном из них – актере Александре Борисоглебском. Для актера известность – фактор жизненно важный. Борисоглебский был знаменит в свое время, владел театрами в разных городах, гастролировал,

иногда «делал сборы», иногда нет, «искал славы» и, по-видимому, ему удалось стать популярным и даже войти в круг людей уважаемых. В поместье он приезжал отдыхать в обществе женщин. «Иногда они доходили до предела веселья». «В минуту уныния Борисоглебский нагой разгуливал по парку» (Зайцев, 1990а, с. 435). И об этих его похождениях сохранились рассказы, передаваемые друг другу местными жителями. Но никто не знает, что потом случилось с актером. Остался его лавровый венок на чердаке, пыльный и засохший. «Некоторые утверждают, что кухарка нынешних владельцев в минуты нехватки кладет листики с него в рассольник» (Зайцев, 1990а, с. 436). Еще сохранилась коричневая папка с адресом, украшенная золотыми буквами. «В эту папку теперь вкладывают ведомость о том, когда какой корове телиться» (Зайцев, 1990а, с. 436).

Вот такая насмешка судьбы. Вероятно, актер хотел, чтобы о нем помнили и после смерти, но едва ли мог предположить, что именно такая прозаическая картина предстанет взору стороннего наблюдателя. В этом смысле театральное искусство недолговечно, к сожалению, у книг и картин, даже у кинолент жизнь может быть намного дольше. Может быть, как раз поэтому судьба актера представлена здесь в качестве примера.

Самые разные истории предстают перед нами: воинов, святых отшельников, помещиков, разночинцев. С их помощью мы приобщаемся прошлому. Сколько таких заброшенных поместий в России, у каждого своя история, весьма занимательная. Сменяются поколения, происходит переоценка ценностей. Принять этот факт как данность, то есть со смирением – то, что очень важно для каждого из нас, по мнению писателя (см. об этом также (Бабенко, 2012)). Нам кажется, многие согласятся с тем, что даже в нашей повседневной жизни велика вероятность быть понятым неправильно, превратно, что говорить о понимании в будущем, если в принципе будет, о чем помнить. Как тут не упомянуть Екклесиаста: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, кто будет после» (Книги Екклесиаста или Проповедника, 1990, с. 79). Здесь мы видим неявную отсылку. И еще одно изречение: «Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него? (Книги Екклесиаста или Проповедника, 1990, с. 81). Пожалуй, таким выводом можно и закончить наше обсуждение, но добавим слова самого Б. К. Зайцева: «Возвратясь в свою комнату, взглянув на дорогие портреты, дорогие книги, тоже с усмешкой подумаешь, что, быть может через тридцать лет твоим Пушкиным будут подтапливать плиту, а страницы Данте или Соловьева уйдут на кручение цигарок» (1990а, с. 436). Человеку мудрому важно учитывать это обстоятельство и относиться к нему философски.

Но здесь существует тонкая грань. Понимая, что такое вполне возможно – голод, холод, эпидемии, политические перевороты, к сожалению, случаются, – человек всегда надеялся в глубине души, что его книги, к примеру, в будущем не отправят в топку, найдут им другое применение. В этом-то ключ к постоянному поиску, к непокою. Высшая мудрость, истинное смирение, по мнению писателя, – уметь радоваться жизни, понимать ее ценность и важность, быть благодарным судьбе и Высшим силам, даже если что-то идет не по плану, и не в нашей власти это изменить.

Заключение

По итогам нашего обсуждения, можно сделать следующие выводы:

1. Сопоставляя личностные качества христианских святых в интерпретации Б. К. Зайцева, отметим, что личность преп. Сергия Радонежского вызывает у писателя больше симпатии, чем личность св. Франциска Ассизского. Стойкость духа православного святого, воспитанного суровой северной природой, вместе с тем мягкость его характера, тактичность, действие методом уговоров, а не конфликтов – вот то, что отличает его от св. Франциска, эмпатичного итальянца с доброй душой, но человека пылкого, импульсивного. В повести о преп. Сергии автор говорит об этом напрямую, в рассказе «Студент Бенедиктов» мы видим неявную отсылку.

2. Студент Бенедиктов, «рыцарь бедный», как мы видим из рассказа, преодолевает экзистенциальный кризис. Он руководствуется следующими мотивами: сначала, по примеру св. Франциска, готов действовать радикально и целенаправленно, желая покончить с тем, что не радует его, не кажется «правильным», ради достижения цели даже участвует в преступлении; в этом случае задействована героико-рыцарская атрибутика – именно пистолет выбран в качестве орудия самоубийства, что для Бенедиктова, человека штатского, то есть не имеющего собственного оружия, создает дополнительные сложности; впоследствии, не отрекаясь от своего кумира, герой все же приходит к иному восприятию реальности, он преисполнен благодарности просто за то, что живет на свете, и жизнь постоянно дает ему новые возможности и новые поводы для радости. Это и есть христианское смирение, по мысли автора.

3. Истории, представленные в рассказе «Земная печаль», перекликаются с историей Бенедиктова (неявная отсылка – история Метакса, вопрос о «канители» жизни и о том, стоит ли ее тянуть), историей преп. Сергия Радонежского (неявная отсылка – заброшенный скит). Также мы видим интертекстуальные связи с Книгами Екклесиаста (мысль о скоротечности жизни, быстром забвении даже того, что кажется достойным памяти), со стихотворением А. К. Толстого «Курган» (история славного богатыря, имя которого забыто, но курган все еще высок и далеко виден в степи). Идея о недолговечности бытия – один из «краеугольных камней» христианской философии.

4. По мнению Б. К. Зайцева, человеку следует быть благодарным жизни, видеть ее продолжение, ее постоянное обновление (раннее утро и весна – время, когда лучше всего это наблюдать, и такие картины мы часто встречаем у автора (Лазарев, 2020, с. 209)), оставаться с ней «на одной волне», трудиться, радоваться результатам своего труда, помнить о скоротечности земного существования, быть скромным, смириться

с тем, что возможности человека не беспредельны и не пытаться изменить обстоятельства, которые контролировать нельзя (в частности, ту жизнь, что наступит после нас). Оставляя за высшими силами право окончательного решения, признавая, что все во власти Бога, человек тем самым преодолевает беспокойство, достигает внутренней гармонии. В этом смысл христианского смирения, благодаря которому мы можем ощущать радость жизни и ее ценность.

Таким образом, христианская философия присутствует в творчестве Б. К. Зайцева почти всегда, зачастую она неявно выражена. В разных произведениях мы замечаем похожие образы, отсылки к одинаковым сюжетам. Будучи иногда незаметной и неявной, христианская тема, на наш взгляд, вызывает гораздо больший интерес у читателя, чем сентенции в форме прямого назидания. Прекрасные русские пейзажи, картины прошлого, иногда героического, часто во многом неоднозначного, оригинальные суждения автора – это такой материал, с которым, без сомнения, стоит познакомиться как можно ближе и подробнее. С точки зрения патриотического воспитания молодежи книги Бориса Зайцева – человека, на всю жизнь сохранившего любовь к своей стране, несмотря на драматичные изменения и вынужденную эмиграцию, – на наш взгляд, трудно переоценить.

Поэтому в качестве перспектив исследования можно рекомендовать дальнейшее изучение творчества Бориса Зайцева как одного из ярчайших представителей русской эмиграции. В частности, следует обратить внимание на христианские мотивы в его творчестве.

Материалы исследования | Research materials

1. Азбука веры. Православный портал. 2005. https://azbyka.ru/drevo-sajta
2. Алигьери Д. Божественная комедия / пер. с ит. М. Лозинского. Пермь: Пермская книга, 1994.
3. Аннин А. А. Святой Франциск Ассизский // Христианство: век за веком: очерки по истории христианской Церкви / под общ. ред. архиеп. Егорьевского Марка (Головкова). М.: Даръ, 2011.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М – Л.: Советская энциклопедия; Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
5. Зайцев Б. К. Земная печаль // Б. К. Зайцев. Дальний край: Роман. Повести и рассказы / авт. вступ. ст. и примеч. Т. Ф. Прокопов. М.: Современник, 1990a.
6. Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский: духовная проза / вступ. ст., коммент. О. Н. Михайлова; худож. П. Григорьев. М.: Дет. лит., 2020.
7. Зайцев Б. К. Студент Бенедиктов // Б. К. Зайцев. Дальний край: Роман. Повести и рассказы / авт. вступ. ст. и примеч. Т. Ф. Прокопов. М.: Современник, 1990b.
8. Книги Екклесиаста или Проповедника // Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. С иллюстрациями Гюстава Дорэ. (репринтное): в 2 т. Л.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1990. Т. 1. Книги Ветхого Завета.
9. От Матфея святое благовествование // Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. С иллюстрациями Гюстава Дорэ. (репринтное): в 2 т. Л.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1990. Т. 2. Книги Нового Завета.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2008.
11. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. 2017. https://books.yandex.ru/books/HnE0B3aT/read-online
12. Толстой А. К. Курган / А. К. Толстой. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература, 1963. Т. 1.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухарин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
2. Бабенко Н. П. Христианская символика в ранних рассказах Б. К. Зайцева // Парус. 2012. № 19.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
4. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2006.
5. Дудина Е. Ф. Б. К. Зайцев «Другая Вера. Повесть временных лет Б. К. Зайцева как иллюстрация истории России начала XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020a. № 2 (87).
6. Дудина Е. Ф. Б. К. Зайцев «Повесть о Вере»: к вопросу своеобразия художественного метода писателя // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020b. № 2 (87).
7. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. М.: Христианская литература, 2004. Ч. VI/2.
8. История русской литературы: в 4 т. / редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.), А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ «Прогресс», 2000.

10. Лазарев А. А. «Россия Святой Руси» Бориса Зайцева: структура идеала // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 4 (147).
11. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту, 1981.
12. Любомудров А. М. Зайцев Борис Константинович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2.
13. Любомудров А. М., Клементьев А. К. Зайцев // Православная энциклопедия. М., 2008.
14. Мальцев Л. А., Рябчикова Е. Е. Типология национального образа святого в неожитийных повестях Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» и Ивлина Во «Елена» // Вестник славянских культур. 2022. № 64. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-199-207
15. Михайлов О. Н. От Мережковского до Бродского. Литература русского зарубежья. М., 2001.
16. Михаленко Н. В. Библейские аллюзии в «усадебном тексте» Б. К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6642
17. Серго Ю. Н. Духовный путь русского человека в творчестве Б. К. Зайцева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4 (89).
18. Степанов Ю. С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к обоснованию сравнительной концептологии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1.
19. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
20. Чжан Ю., Михайлова М. В. «Странные люди» в произведениях Б. К. Зайцева 1910-х годов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2 (91).

Информация об авторах | Author information

RU

Атаманова Ольга Викторовна[1], к. филол. н.
[1] Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

EN

Olga Victorovna Atamanova[1], PhD
[1] Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

[1] *ataman772@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.08.2025; опубликовано online (published online): 12.09.2025.

Ключевые слова (keywords): Борис Зайцев; литература русской эмиграции; экзистенциальный кризис; христианское смирение; интертекстуальность; Boris Zaitsev; literature of the Russian émigré community; existential crisis; Christian self-effacement; intertextuality.